

Научная статья

УДК 93/94(47)“18”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.8

Личные обстоятельства формирования взглядов П. Н. Ткачева

Владимир Алексеевич Исаков

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, Isakov-va@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

Аннотация. Революционная доктрина П. Н. Ткачева во многом формировалась под воздействием разнообразных обстоятельств переходной эпохи российской истории и, бесспорно, под воздействием его личной жизни. Практически все основные компоненты программы Ткачева прослеживались в его контактах, читательских интересах, интеллектуальной продукции, участии в общественном движении. От юношеского преклонения перед мощью народного восстания он двигался к выводу о неспособности народа к созидательному действию и все больше тяготел к крайне радикальным формам борьбы, в которых инициатива принадлежала бы революционному меньшинству. На Ткачева повлияли самые радикальные документы начала 1860-х годов — прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневского и «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова. Личные контакты с самыми радикальными деятелями (Ольшевский, Неchaев, каракозовцы) в российский период жизни, с французскими бланкистами, а также Каспаром Турским в эмигрантский период существенно корректировали его взгляды. Духовная изоляция, в которой Ткачев оказался в конце жизни, также была фактором трансформации его идеологических подходов, равно как и его болезнь. Наследие Ткачева отразилось в российском социал-демократическом движении: постоянными были упреки Ленину со стороны оппонентов о бланкистской подоплеке его деятельности. Заговорщическая тенденция четко прослеживается в многочисленных попытках государственных переворотов в развивающихся странах.

Ключевые слова: революция, народные массы, «Набат», заговорщичество, революционный заговор, революционное меньшинство, переворот.

Для цитирования: Исаков В. А. Личные обстоятельства формирования взглядов П. Н. Ткачева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 123—142. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/8_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.8.

Original article

Personal circumstances that formed P. N. Tkachev's views

Vladimir A. Isakov

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, Isakov-va@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

Abstract. Tkachev's revolutionary doctrine was largely developed under the influence of various circumstances of the transitional era in Russian history, and, undoubtedly, under the influence of his personal life. Almost all the main components of Tkachev's program were traced in his contacts, literature interests, intellectual products, and participation in the social movement. From youthful admiration for the power of popular uprising, he moved to the conclusion that the people were incapable of creative action and increasingly tended towards extremely radical forms of struggle in which the initiative would belong to the revolutionary minority. Tkachev was influenced by the most radical documents of the early 1860s — P. G. Zaichnevsky's "Young Russia" and the proclamation "To the Younger Generation" by N. V. Shelgunov and M. L. Mikhailov. Personal contacts with the most radical figures (Olshevsky, Nechaev, the karakozovites) in his Russian period of life, and with the French Blanquists, with

© Исаков В. А., 2025

Kaspar Tursky in the emigrant period, significantly corrected his views. The spiritual isolation in which Tkachev found himself at the end of his life was also a factor in the transformation of his ideological approaches, as was his illness. Tkachev's legacy was reflected in the Russian social democratic movement: constant reproaches to Lenin from opponents about the Blanquist background of his activities. The conspiratorial trend is clearly visible in the numerous attempts to overthrow the government in developing countries.

Keywords: revolution, masses of the people, "Nabat" ("Alarm"), conspiracies, revolutionary conspiracy, revolutionary minority, coup.

For citation: Isakov V. A. Personal circumstances that formed P. N. Tkachev's views. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 123—142. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.8>.

Введение

Фигура автора заговорщического направления в российском освободительном движении Петра Никитича Ткачева исследуется уже почти полтора столетия, однако основное внимание сосредоточено на его идейных исканиях, а обстоятельства личной жизни, повлиявшие на эти искания, остаются в стороне. В настоящей статье предполагается хотя бы частично исправить положение и в нескольких основных эпизодах и фактах биографии показать значение обстоятельств личного характера, повлиявших на идейный поиск Ткачева, например, ранний период его революционной биографии, сопряженный с сотрудничеством в ведущих российских изданиях, или обстановку внутри редакции «Набата», когда значение имело то, кто финансирует издание, а не то, кто разрабатывает программу.

В историографии, посвященной П. Н. Ткачеву, в таком аспекте проблема не ставилась. Обычно без подробного анализа приводились отдельные факты биографии, не сведенные в систему, повлиявшую на формирование революционной программы Ткачева. Относительно подробно его биографию изложили Б. П. Козьмин [15; 16] и Б. М. Шахматов [50]. Они указали на некоторые явления, относящиеся к его идейному становлению. Например, Б. П. Козьмин отметил напряженные отношения внутри редакции «Набата» и несомненное личное знакомство Ткачева с французскими бланкистами [15, с. 30], а также указал на влияние нарастающего общественного движения на формирующееся мировоззрение юного Ткачева [16, с. 11, 17]. Б. М. Шахматов перечислил «властителей дум» эпохи 1850—1860-х годов, чьи труды нашли «в Ткачеве и его сверстниках благодарных читателей и учеников» [50, с. 57].

В монументальных трудах историков 1960—1980-х гг., например у М. Г. Седова, в достаточно подробном и обстоятельном разделе о Ткачеве увязка биографических фактов с революционной программой практически отсутствует [28, с. 103—112].

Рассматривая научную литературу последних лет, посвященную различным аспектам жизни и творчества П. Н. Ткачева, А. Н. Худолеев пришел к обоснованному выводу о «констатирующем характере подходов исследователей в 2020 и 2021 гг. в оценке революционной теории П. Н. Ткачева» [49, с. 170]. Заметим, что этот вывод справедлив и для других историографических периодов и, к сожалению, едва ли не доминирует. Что же касается поставленной в статье проблемы, то относительно недавно А. Н. Худолеев в статье «П. Н. Ткачев: Опыт исторической биографии» [48] выстроил в хронологическом порядке основные факты жизни Ткачева и указал на отрицательное отношение к его революционной программе практически подавляющего большинства участников революционного движения. Зависимость пунктов программы Ткачева от обстоятельств жизни в статье раскрыта явно недостаточно. Например, не показано влияние на формирование взглядов Ткачева перечисленных автором «властителей дум» той эпохи: Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Д. И. Писарева, П. Прудона, Луи Блана, Ф. Лассаля. Вывод оказался слишком общим: «Из этих источников Ткачев черпал

представления об идеях всеобщего равенства и социальной справедливости, а также о средствах воплощения их в реальности» [48, с. 178].

Проблема выбора этих средств представляется ведущей, и в настоящей статье предпринимается попытка осветить и этот сюжет. При этом А. Н. Худолеев верно отметил, что «жизненный путь Ткачева, его революционная теория тщательно не изучались в советской историографии. Многое рассматривалось либо тенденциозно и поверхностно, либо вообще замалчивалось» [48, с. 178]. Исследователь, рассмотрев в нескольких работах состояние историографии Ткачева за последние годы, пришел к выводу о том, что тезис о террористической составляющей его программы практически изжил себя, при этом успешно продолжилась разработка некогда отвергаемого марксистской историографией тезиса об исторической преемственности ленинизма с заговорщицеством Ткачева [49].

А. Н. Худолеев также выделил проблемы, которые ранее не привлекали исследователей, в частности, он констатирует, что «гораздо реже исследователи обращались к вопросам “Ткачев и терроризм”, “Ткачев и анархизм”» [49, с. 170], которые, полагаем, возникали и разрешались Ткачевым под воздействием в том числе и обстоятельств его жизни, например, встречи с М. А. Бакуниным, длительного контакта с Каспаром Турским. Примечательно, что соотношение взглядов Ткачева и террористических установок можно рассматривать в двух плоскостях: 1) насколько Ткачев отразил их в своей программе, и почему он это в итоге сделал; 2) отношение теоретика к проблеме в целом. Первый подход ознаменовался резким снижением обвинений Ткачева в проповеди террористической борьбы, что было особенно свойственно историографии 1990-х годов в силу явной политизации исследовательского процесса. А в последнее время, когда речь заходит об этой проблеме, Ткачев порой даже не упоминается [30].

Но задача изучения личности Ткачева, его семьи и его революционной теории остается актуальной. Об этом пишет, ссылаясь на Б. П. Козьмина и Б. М. Шахматова, А. Н. Худолеев [47, с. 32—33, 36]. Можно добавить, что эта задача требует рассмотреть комплексно, с учетом всех доступных данных, воздействие фактов биографии на формирование революционной программы Ткачева, что и является целью данной статьи.

Проблема генетической связи ткачевизма и ленинизма как активно анализируемая убедительно рассмотрена В. В. Зверевым: «Если обратиться к политическому аспекту вопроса, то и здесь напрашивается вывод о том, что Ленин начинал там, где народники-революционеры заканчивали. Объединяющим началом стали не социалистические идеалы, а революционность... Социализмом Ленин считал только его революционный вариант», а выстроенная Лениным партия напоминала «идеи идеолога заговорщического направления революционного народничества П. Н. Ткачева» [12, с. 31—33]. К этой проблеме обращались и другие авторы, указывающие на очевидную генетическую связь ткачевизма с большевизмом [11; 19]. Представляется необходимым более детально объяснить эту связь, а не только констатировать ее.

Подводя итог рассмотрению историографии проблемы, можно утверждать, что при несомненных позитивных подвижках, детализации процессов и расширении проблематики, близкой к теме статьи, простор для исследования остается, хотя многое требует уточнения. Представляет интерес круг чтения гимназистов в самом конце 1850-х годов, то есть та интеллектуальная среда, в которой он формировался. Деятельность Ткачева в революционном движении в 1860-е годы в силу ограниченной источниковой базы еще долгое время должна быть предметом изучения, так же как и заграничный период жизни революционера, его деятельность в редакции «Набата», связи с русской эмиграцией, с единомышленниками на Родине и французскими бланкистами. Бесспорно, уточнения требует сюжет «Ткачев» — «Народная воля», так как простой констатации неприятия

народовольцами его теории и идеи сотрудничества с ним явно недостаточно. Очень вероятно, что были личные связи участников «Набата» и, скорее всего, Ткачева с отдельными представителями «Народной воли». Все это требует серьезных поисков в архивах не только России, но и Франции, Швейцарии. Это долговременная задача, и ее решение предполагает использование наработанных результатов предшествующих и нынешних исследователей: Б. П. Козьмина, Б. М. Шахматова, М. Г. Седова, Е. Л. Рудницкой, В. А. Твардовской, Б. С. Итенберга, А. Н. Худолеева.

Цель статьи — максимально учесть обстоятельства жизни П. Н. Ткачева при формировании его революционной программы. Это предполагает в качестве задач отслеживание влияния решающих фактов биографии на те или иные позиции программы, определение времени формулирования ее базовых тезисов, а также уточнение сопряженности взглядов Ткачева с общим интеллектуальным фоном левого крыла освободительного движения.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют приступить к изучению воздействия на Ткачева обстоятельств его жизни. Это прежде всего ранние стихи революционера, опубликованные в двухтомнике его избранных произведений в 1975—1976 гг. [44], и совокупность его работ в более раннем издании избранных произведений 1932—1937 гг. [34]. Для настоящего исследования большую ценность представляет статья Ткачева «Недоконченные люди», опубликованная в журнале «Дело» в 1872 г., в которой он достаточно подробно описывает процесс формирования поколения рубежа 1850—1860-х годов, из которого вышел он сам [39]. Такое же значение имеет и статья «Недодуманные думы» с автобиографическими вставками [38]. К программным работам Ткачева примыкает женевское издание «Революционная расправа» (1878) за авторством Каспара Турского, которое помогает уточнить причины изменения взглядов Ткачева на террористическую борьбу в завершающий период его жизни, поскольку автор был убежденным сторонником террористических методов борьбы [25]. В Государственном архиве Российской Федерации о Ткачеве имеются некоторые сведения полицейского характера [4—9], касающиеся этой проблемы. Интересные сведения и оценки содержатся в воспоминаниях старшей сестры Ткачева — Александры Никитичны [1].

В целом, опираясь на перечисленные источники, представляется возможным провести необходимое исследование на пересечении программных работ Ткачева, некоторых его статей с биографическими отступлениями, мемуарных источников, полицейских материалов. В издании 2010 г. собраны воедино все труды Ткачева программного значения [13], что облегчает процесс исследования. По мере появления новых источников тема, естественно, может быть дополнена, уточнена и в чем-то даже пересмотрена.

Результаты исследования

Петр Никитич Ткачев родился 29 июня 1844 г. по старому стилю. Его мать после смерти мужа в 1848 г. решила перевезти в 1851 г. всю семью в столицу: старшую дочь Александру и младшую Софью, сыновей, старшего Андрея и младшего Петра. Старшей среди детей Александре было одиннадцать лет, младшему Петру семь. Так что детские годы и подростковый период жизни Петр провел во второй Санкт-Петербургской гимназии (1851—1861 гг.), где учился и его старший брат Андрей. В тот исторический момент, когда в России началась череда реформ, Петр, 17-летний студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета, активно включился в общественно-политическое движение. Это было бурное время, когда после Крымской войны в стране готовились реформы, прежде всего освобождение крестьян от крепостного права. Гимназисты жадно ловили информацию о проектах, настроениях общественности, позиции видных деятелей, работе комитетов. Звучало слово «перестройка». Уровень их умственных за-

просов был намного выше, чем у их предшественников. Выходили ранее запрещенные книги, появлялись новые издания, по рукам ходили герценовские и огаревские работы, со всем этим знакомились резко повзрослевшие подростки, в большинстве разночинцы по своему социальному статусу. Ткачев был из мелкопоместных дворян. Позднее он писал, что «не только учитель “русской словесности”, из семинаристов, но даже учитель рисования и танцев начали обнаруживать разные либеральные поползновения и давали понять своим питомцам, что и они понимают и стоят с требованием “духа времени”. Что это был за “дух” — в этом не могло быть ни малейших сомнений; этот “дух” носился в атмосфере учебных комнат и рекреационных зал, им веяло от каждой книжки, от каждого журнала, который попадался в руки “детей”. А какие же из русских книжек и журналов, бывших в то время в обычном обиходе, не попадали им в руки?» [39, с. 293].

Следует остановиться на этом отрывке и отметить следующее: ученики читали практически все, что выходило в свет и воспринималось в либеральном, раскрепощающем духе. О какой-либо дифференциации взглядов, оформлении группировок, идейных течений и речи тогда не шло. Это был поток, в котором смешивалось все, и лишь со временем немногие, пройдя этот фактически подготовительный период, станут сторонниками той или иной оппозиционной ориентации, легальной или подпольной, или просто отойдут от увлечений молодости и станут добропорядочными подданными, «благополучными россиянами». Ткачев же займет крайний левый фланг. Так что способность сориентироваться в непростой ситуации, определиться со своей позицией была свойственна Ткачеву уже тогда, что подтверждается его участием в студенческих беспорядках на первом курсе университета.

Но пока он проходил с товарищами начальные фазы, бесконечные собрания, чтение разнообразной литературы и коллективное обсуждение прочитанного: «С чтения книг, “посторонних классным занятиям”, снято было прежнее “veto”; чтение теперь было не только дозволено, но даже поощрялось; и юноши-дети с жадностью набросились на него. Ах, если бы авторы знали, сколько умственных тревог, сколько мыслей возбуждали их статьи в головах этих юных читателей, с каким замиранием сердца ожидался выход каждой новой книжки журнала и каких нередко восторженных поклонников вербовали они себе на ученических скамьях» [39, с. 293].

Будущее Ткачева-идеолога формировалось в этой среде не только в смысле идей, но и в отношении средств: печатное слово оказывалось самым действенным, опережая личное общение, собрания, учебный процесс. Он окажется выдающимся учеником своей эпохи и еще до эмиграции станет журналистом всероссийского масштаба вскоре после окончания гимназии и до окончания университета, и у него уже появятся последователи и поклонники. Но для этого неизбежно надо было пройти этот период: «И никогда “гимназисты” и “семинаристы” не жили еще такую полную, сосредоточенную и рвущейся вперед умственной жизнью, как в эту “достопамятную эпоху”» [39, с. 293].

Ткачев отчетливо осознавал, что происходило в те годы, как шло формирование «всякого человеческого характера. Первый фактор — умственные наклонности и привычки, то, что называется психической индивидуальностью человека; второй фактор — окружающая обстановка, идеи и интересы, господствующие в ней». Ко второму фактору он относил и «коренные социально-экономические причины» [39, с. 295]. Все эти соображения в полной мере относились и к самому Ткачеву. Он отделял себя от тех, у кого на первом плане стояли интересы самосохранения и личного благополучия, «рассудительного эгоизма» или «пошлого эгоизма» [39, с. 297, 299, 300]. Именно этим качеством будет отличаться идеология, представленная им позднее революционному движению: ничего личного, только интересы дела, самопожертвование как стиль жизни. Укрепил его в та-

ком отношении и Сергей Геннадьевич Нечаев, «деятельный до изнеможения», противоречивая и спорная фигура в революционном движении рубежа 1860—1870-х годов, с которым Ткачев активно сотрудничал в тот период.

Обозревая недавнее прошлое, Ткачев в начале 1870-х попытался сам объективно оценить то идейное брожение, в котором прошли его юные годы: «В головах большей части детей... началось некоторое шатание мысли, когда роковой вопрос “что делать” определился перед ними во всей своей запутанной сложности» [39, с. 302]. И он перечислил качества, необходимые для самостоятельного, а не навязанного решения. Это «путь собственных наблюдений, личного анализа и подробного знакомства с теми фактами, на которых он построен». Но для большинства детей такая длинная подготовительная умственная работа была совершенно невозможна; общие мысли усваивались на скорую руку, их некогда и не на чем было подробно проверить [39, с. 301].

Очевидно, что сам Ткачев в эту категорию большинства не входил, не зря он оценивал ее как бы со стороны. Высокий интеллектуальный уровень, масштабные знания, огромная работоспособность позволяли ему идти своим путем и всегда иметь собственную точку зрения по всем вопросам. Этому способствовала семья, в которой знания и образованность ценились высоко, что было естественно.

Отец, известный архитектор Никита Андреевич, автор многих реализованных проектов, удостоенный за это потомственного дворянства, умер в 1848 г., когда младшему сыну Петру было всего четыре года. Мать, Мария Николаевна, в девичестве Анненская, многое унаследовала от своей фамилии — любовь к знаниям, настойчивость.

Старший брат Петра Андрей учился в той же гимназии, что и младший Петр, и тоже поступил в сентябре 1861 г. на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Как и брат, был вскоре отчислен, но в 1865 г. защитил диссертацию на звание кандидата юридических наук. В дополнение закончил и исторический факультет. Помимо современных европейских языков владел древнегреческим и латинским, был автором учебного пособия «История Греции и Рима» (в двух частях), рекомендованного Министерством народного просвещения библиотекам средних учебных заведений.

Старшая сестра Петра Ткачева, Александра Никитична Анненская, была известной детской писательницей и переводчицей. Она первой перевела для российских детей «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Хижину дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, многие другие произведения мировой литературы. Совместно с мужем, известнейшим интеллектуалом Николаем Федоровичем Анненским (кузеном), перевела на русский язык такие монументальные произведения, как «История крестьянских войн» В. Циммермана, «Утилитаризм» И. Бен-тама и Дж. С. Милля, «История философии от начала ее в Греции до настоящего времени» Дж. Г. Льюиса. Примечательно то, что все эти произведения стали широко известны в России благодаря рецензиям ее младшего брата Петра. Например, в 1866 г. он писал о Льюисе, в 1868 г. — о книге Циммермана. Политическая позиция сестер и старшего брата была далеко не такой левой, как у Петра, но это были деятельные просветители, а сестры — оппозиционные деятели, как и их супруги.

Таким образом, семейная обстановка, несомненно, оказала огромное влияние на формирование аналитических навыков юного Ткачева, раздвинула горизонты его мировосприятия, дала образцы высокой образованности и служения, которое он увидел для себя в революционной деятельности. Бесспорно, имела значение деятельная натура матери, не пасовавшей перед трудностями и всегда демонстрировавшей твердый характер. Это пригодилось Петру в гимназии, где нравы и порядки были далеко не благостными. По его мнению, они «немного чем отличались от бурсы Помяловского. Тот же грубый деспотизм, невежество и тупоумие учителей и наставников, те же бесконечные “порки”,

та же бессмысленная долбня и произвольное подавляющее господство старших учеников над младшими... толпы грубых и задорных товарищей. Искать защиты в учителях или начальстве и думать было нечего» [39, с. 277—278].

Эпоха оказалась трамплином. Юношеский максимализм требовал всего и сразу: социальной справедливости, благосостояния крестьян, демократических норм жизни, уважения личности, снятия цензурных ограничений и многого другого. Студенческая среда бурлила. Ткачев по своим позициям и настроению оказался среди крайне левых радикалов, не удовлетворенных формулой реформ. Это настроение усиливалось новостями из Италии, где шла национально-освободительная борьба. Нечто подобное он, несомненно, хотел видеть и в России. Свое настроение юный Ткачев выражал в ранних стихах. Еще будучи старшим гимназистом, Ткачев написал в стихотворении «Движение вперед!»:

...Пришли народы все в волнение
И требуют свои права! <...>
Пусть перед волею народной
Теперь склоняются цари [31, с. 559—560].

Это настроение не было одномоментным. Через год, уже будучи студентом и проведя два месяца в тюремном заключении за участие в беспорядках, в стихотворении «14 декабря 1861 г. Памяти Михайлова» Ткачев опять воскликнет:

И встанут мощные народы,
И отомстят за эту кровь [40, с. 561].

Ткачев вошел в историю как теоретик заговорщического направления, призванного совершить революцию для народа, но без народа, только силами профессиональных революционеров. Но, прежде чем прийти к такой позиции, он искренне верил в потенциал народного восстания. Это соответствовало настроениям демократической общественности. И такой настрой сохранялся у Ткачева в начале 1860-х гг. Пожалуй, наиболее полно это отразилось в стихотворении «Дорожные грезы» от января 1862 г.:

И странные мне снятся сны...
Не сны... я грежу наяву.
То вижу площадь — тьма народу,
Родные слышатся слова:
«Умрем, умрем мы за свободу!
Долой тирана, прочь царя!»
И вся в смятении столица,
И все бурливее толпа,
И все грозней, суровой лица,
Все громче, громче голоса...
Трепещут робкие тираны,
Их час, последний час пробил! [32, с. 563].

Но, как вариант, Ткачевым рассматривалось и поражение восстания. Неоправдавшиеся надежды на народное восстание после начала крестьянской реформы, грабительской по отношению к крестьянам, пока не повлекли за собой изменение базового настроения Ткачева — он продолжал верить в восстание народа:

Народ не поднялся мгновенно,
Не разорвал тотчас оковы,
Но уж нарушен был покой!
Еще б такое потрясение...
И ринется он в честный бой [41, с. 566].

В стихах Ткачева той поры очевидны две характерные черты: он свято верит в результативность насильственного действия революционного характера и полагает, что это действие будет совершено народом.

Вера в иницилирующее воздействие насилия сохраняется у Ткачева и далее. В стихотворении «Христово Воскресенье» (апрель 1862 г.) заявлено:

Так нам ли славить воскресенье?..
Нет, не смирение, не любовь
Освободят нас от оков,
Теперь нам надобен топор,
Нам нужен нож...
Мы будем рушить, рушить все...
<...>
Мы сроем церковь и дворец,
Пусть с рабством будет и конец
Всему отжившему, гнилому,
Пусть место новому, живому
Очистит наше разрушение [45, с. 567].

С подобной трактовкой будущих событий, без сомнения, согласились бы анархисты, с которыми позднее Ткачев будет яростно дискутировать. Но он был в постоянном интеллектуальном движении. Уже к середине 1862 г. заметна его нарастающая сдержанность по отношению к потенциалу народного взрыва. В стихотворении «Народное гулянье» не заметен прежний энтузиазм, народ задавлен, надежды на народное восстание уменьшились:

Я видел: тешился народ,
Но странно тешатся рабы!
Вокруг жандармов целый взвод,
Кишит полиция внутри!..
<...>
И так все чинно, так спокойно...
Ненарушим формальный строй!
Все веселятся здесь пристойно,
Зато безжизненно и вяло [37, с. 568].

Можно согласиться с выводом Ю. В. Рудаковой о том, что «Ткачев сделал следующий шаг в освоении уроков, извлеченных революционной мыслью из опыта начала 60-х годов. Пересмотр революционных возможностей крестьянства, завышенных шестидесятниками, дополнялся утверждением об отсутствии у него ясного социалистического идеала» [26, с. 122].

Факты биографии П. Н. Ткачева, представленные выше, показывают, каким многослойным было влияние на него. Не следует упускать из виду и молодежную среду, особенно студенческую, в которой он оказался к осени 1861 г., и, хотя быстро ее покинул не по своей воле, оказавшись в тюремном заключении после подавления беспорядков в университете, именно эта среда будет для него основной. В известном произведении «Задачи революционной пропаганды в России», написанном вскоре после того, как он оказался за границей, Ткачев, уже не стесненной цензурными соображениями, дал обобщающую характеристику окружению, которое не могло не повлиять на него, и которое со временем он стал рассматривать как свою основную аудиторию: «В течение всей своей литературной деятельности я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди наших “детей”. Я сам принадлежу к этому поколению, я переживал с ним его увлечения и ошибки, его

верования и надежды, его иллюзии и разочарования, а каждый почти удар, который наносила ему свирепая реакция, отражался и на мне или непосредственно, или в лице моих близких товарищей и друзей; с гимназической скамьи я не знал другого общества, кроме общества юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих; то устраивающих воскресные школы и читальни; то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом, и опять и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости; могу ли я не знать людей, с которыми 10 лет жил одною жизнью, делил пополам и горе и радость? Мне кажется, что если я хоть в какой-нибудь сфере знаний имею некоторую опытность, то только в этой» [33, с. 10].

В дополнение к перечисленным Ткачевым характеристикам молодежи той поры следует добавить еще одно обстоятельство. Начало 1860-х годов — это эпоха прокламаций. И «Молодая Россия» П. Г. Заичневского стоит, пожалуй, на первом месте по силе воздействия на юного Ткачева. С учетом его активности, широты знакомств, посвященности в оппозиционные проекты он не мог пройти мимо этого документа, буквально взорвавшего общество своим радикализмом и обсуждавшегося на всех уровнях. Знаток жизни и творчества Ткачева Б. П. Козьмин отмечал, что «Ткачев несомненно знал, каких взглядов придерживался автор “Молодой России”: еще в 1862 году ему приходилось встречаться в Петербурге с некоторыми из близких Заичневскому людей» [15, с. 27]. В «Молодой России» прослеживались идеи о лидирующей роли революционного меньшинства, революционной диктатуре, которые позднее, в эмиграции, будучи оформленными программно, станут базовыми в воззрениях Ткачева. Именно этот уровень соответствовал настроениям Ткачева, хотя упоминаний о «Молодой России» в работах Ткачева найти нельзя. Но именно на это время приходится изменение взглядов Ткачева на роль народа и революционного меньшинства.

Об авторстве Заичневского на момент написания прокламации ничего не было известно. Сам факт хранения и упоминания «Молодой России» был тогда преступлением. Аресты происходили даже в более нейтральных случаях. Как вспоминала сестра Ткачева Александра, ее мужа держали под арестом, потому что нашли при обыске «корректирующие листы перевода речи испанского революционера Кастелляра». Возможно поэтому у Ткачева прокламация «Молодая Россия» нигде не названа и при обысках не найдена — был он, по всей видимости, хорошим конспиратором. Позднее влияние Заичневского будет присутствовать в «Народной воле» в лице Марии Ошаниной и Екатерины Сергеевой (жены ведущего теоретика народовольчества Льва Тихомирова), активных участниц Орловского кружка Заичневского, представлявших яacobинское, или заговорщическое, направление в Исполкоме «Народной воли», с которой хотел найти контакт Ткачев.

Были и другие будоражающие тексты, например, прокламация Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению», появившаяся в дни студенческих волнений, в которых Ткачев-первокурсник впервые принял участие. «Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно» [51, с. 89]. Подобный подход явно импонировал юному Ткачеву. Его сестра вспоминала, что в то время Петр допускал истребление всех, кому больше 25 лет, как неспособных руководствоваться революционными идеями [1, с. 61—64]. Без сомнения, это был кратковременный всплеск юношеского максимализма, вскоре он отказался от таких идей, но в исторической литературе этот факт нередко упоминается как свидетельство кровожадности программы Ткачева и его склонности к терроризму.

Имелся еще один источник информации и оценок — произведения и издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которые разными путями, в основном контрабандой, доставлялись в Россию. В свободной, раскованной манере писатели-эмигранты рассказывали о многом, в том числе и о проявлениях заговорщичества в европейской жизни. Приводили интересные сведения, высказывали свои суждения, которые далеко не всегда были однозначными. Случалось, что они менялись в зависимости от обстоятельств или значительно корректировались. Потребность же молодых читателей и почитателей была проста — им хотелось ясности и призыва к действию. Н. М. Пирумова, вдумчивый исследователь творчества Герцена, доказала, что он мог быть и сторонником «бескровного переворота», и революционером. В случае с прокламацией «Молодая Россия» Герцен, не оскорбляя авторов, заявил, что революция в России должна по характеру быть однозначно народной. Он не принял утверждение авторов «Молодой России» о революции, совершаемой меньшинством [22, с. 120, 160].

Обогащенный этой информацией о Гракхе Бабефе, Буанаротти, Бланки, Мадзини, декабристах, Ткачев мог гораздо предметнее и основательнее осмысливать свои собственные взгляды. К тому же Герцен действительно был неоднозначен. Анализируя намерение Джузеппе Мадзини создать единый европейский комитет, он пришел к заключению, что затея несерьезна. Он писал: «Это был гласный заговор, заговор с открытыми дверями, т.е. невозможный. Заговор должен быть тайной. Время тайных обществ миновало только в Англии и Америке. Везде, где есть меньшинство, предварившее понимание масс и желающее осуществить ими понятую идею, если нет ни свободы речи, ни права собрания, — будут составляться тайные общества. Я говорю об этом совершенно объективно; после юношеских попыток, окончившихся моею ссылкой в 1835 году, я не участвовал ни в каком тайном обществе, но совсем не потому, что я считаю расточение сил на индивидуальные попытки за лучшее. Я не участвовал потому, что не случилось встретить общества, которое соответствовало бы моим стремлениям... Если бы я встретил союз Пестеля и Рылеева, я бы бросился в него с головой» [3, с. 151]. Это было мнение Герцена, напечатанное в «Полярной звезде» в 1858 г. о проекте Мадзини 1850—1851 гг. Издание, как известно, нелегально доставлялось в Россию и распространялось в тысячах экземпляров. Логический вывод из этого рассуждения патриарха освободительного движения был однозначен: заговор в России возможен, как необходимо и тайное общество. Более того, Герцен присоединился бы к серьезной попытке. Это вдохновляло читателей, особенно радикальных. И все это накануне грандиозных событий — отмены крепостного права, активизации и радикализации общественного движения.

Достаточно быстро Ткачев разуверился в потенциале и способности народа к самостоятельному сознательному выступлению. Разочарование, проявившееся в его стихах, толкало его к поиску силы, способной совершить акт революции. Его старшая сестра Александра вспоминала, что «большинство всегда представлялось ему косною массой, неспособною ни понимать, ни отстаивать свои интересы; сознательно революционно настроенное меньшинство должно было создать для него новый, лучший строй жизни и насильно заставить его принять этот строй» [1, с. 62]. В этой характеристике содержится практически суть революционной программы П. Н. Ткачева. И все это формулировалось им в российский период жизни, на протяжении 1860-х годов. Чрезвычайно важным представляется то, что Ткачев, по словам сестры, всегда считал массы неспособными к пониманию и сознательной деятельности. Воспоминания сестры базируются на плотном общении с братом. Они с мужем и Петром жили в одной квартире из двух частей. Общение было тесным, откровенным и постоянным.

Дальнейшая эволюция взглядов Ткачева будет и дальше идти в направлении, противоположном вере в творческий потенциал народных масс. Внешним обстоятельством будет сотрудничество с ведущими журналами России: «Время», «Журнал Министерства юстиции», «Библиотека для чтения», «Луч», «Русское слово», а главное — с ежемесячником «Дело», сотрудничество с которым продлится с 1867 до 1880 г. С 18-летнего возраста Ткачев выступал как литературный критик общероссийского масштаба, обозреватель по кардинальным актуальным проблемам, например, эмансипации женщин, подготовке реформы суда. Сестра Александра писала в связи с этим: «С осени 68 г. мы стали жить на одной квартире с моим младшим братом Петром. В это время Петр уже составил себе литературное имя своими статьями в журналах... когда ему еще не исполнилось 18 лет» [1, с. 61—64].

Авторский состав, особенно «Дела», ведомого Григорием Евлампиевичем Благодетелем, был впечатляющим: Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, С. С. Шашков, П. Н. Ткачев, Г. Е. Благодетель, К. М. Станюкович, В. О. Португалов, Л. И. Мечников, Элизе Реклю, Л. А. Тихомиров, П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Н. Ф. Бажин, А. К. Михайлов-Шеллер, И. В. Федоров-Омулевский, Ф. М. Решетников, Г. И. Успенский, С. М. Степняк-Кравчинский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. И. Якоби. Авторы общались, обменивались идеями, дискутировали. И хотя существенные различия были очевидными, творческая атмосфера, общий оппозиционный настрой, постоянное и изнурительное противостояние цензуре, искреннее желание прогресса сплачивали авторов. Нередко запрещалось до половины материалов. И тем не менее, тиражи журнала были по тем временам серьезными — до 4000 и даже 5000 экземпляров.

Сам Г. Е. Благодетель, решительный западник по взглядам, разделяя озабоченность авторов состоянием крестьянского вопроса, народником не был. Он исповедовал идею «все для народа, но ничего через народ», смысл которой частично воспроизведет позднее Ткачев: революция для народа, но без его сознательного участия, поскольку оно пока невозможно. Как считал Благодетель, народу «еще не под силу светлые и честные идеи». И это тоже соответствовало умунастроению Ткачева. На процессе нечаевцев в 1871 г. прокурор Половцев сказал в обвинительной речи: «С самой ранней своей молодости Ткачев стал в ряды тех, которые стремятся к целям крайне радикальным и притом самым явным, самым открытым образом, во всех своих сочинениях, в особенности в тех, которые не были дозволены цензурой и запрещены. В этом особенно убеждают нас две статьи: “Наши потери” и “Очерки Французской революции”» [23].

Отметим, что вездливый прокурор указал на радикализм Ткачева «с самой ранней юности» и на то, что свои идеи он проводил открыто «во всех своих сочинениях». Думается, это соответствовало реальному положению дел, что подтверждается и другими источниками.

Ткачев продолжал самообразование. Знание немецкого, английского, французского языков и латыни позволяло ему знакомить российскую читающую публику с широким спектром западноевропейской философской, исторической, общественно-политической, социологической, экономической, статистической, педагогической научной мысли и давать зрелые комментарии несмотря на свой юный возраст. В частности, он первым процитирует в легальной печати базовые положения Карла Маркса и солидаризируется с ними [15, с. 32], чего, однако, было недостаточно, чтобы считать его марксистом. Не зря позднее он вступит в полемику с Энгельсом.

Самообразование Ткачева было постоянным и непрекращающимся. Сестра писала, что «во время заключения он не прерывал ни своих научных занятий, ни литературных работ и, как только университет был открыт осенью 63 г., он выдержал кандидатский эк-

замен. Его статьи по общественным и экономическим вопросам, его библиографические и критические разборы книг были написаны очень живо, иногда даже увлекательно, и всегда отличались оригинальностью мысли и строгой последовательностью, доходящей до прямолинейности. Среди молодежи у него было много сторонников, особенно же сторонниц и поклонниц. Мы в семейном кругу признавали его талантливость и необыкновенную трудоспособность» [1, с. 62].

В 1868 г. Ткачев экстерном закончил университет, сдав экзамены за полный курс, и защитил диссертацию «О воспитательно-исправительных заведениях» на звание кандидата права. Параллельно с легальной деятельностью он был активным участником подпольного движения, входя в состав немногочисленных, но наиболее значимых организаций левосоциалистического толка [50, с. 43] и будучи в знакомстве и тесном контакте с представителями этого направления. Во время первого тюремного заключения он познакомился с Леонидом Ольшевским, крайним радикалом, взгляды которого, изложенные в прокламации «К русскому народу», явно перекликались с позицией «Молодой России» Заичневского и со стихотворением Ткачева «Христово воскресенье».

Осмысление Ткачевым событий 10—15-летней давности касалось не только нравов гимназии и идейных исканий юношества. В своих рецензиях и литературоведческих работах он неоднократно давал принципиальные оценки различным общественно-политическим и экономическим проблемам. Так, в начале 1872 г. в № 1 журнала «Дело» в статье «Недодуманные думы» из серии «Литературные этюды» Ткачев пишет, что после отмены крепостного права «житейские иллюзии», «крестьянский вопрос и денежный кризис были для нас спасительным разочарованием; они вывели нас из спокойного и самодовольного созерцания той трясины, которую мы принимали за прелестнейший пейзаж» [38, с. 224]. И чуть ниже он разворачивает свою мысль: «Крепостное право, влиявшее на все отправления нашей общественной жизни, сковавшее ее во всех движениях и мысли и дела, должно было оставить свой отпечаток и на литературе» [38, с. 225—226]. По сути, это принципиальная оценка такой грандиозной проблемы России, как крепостное право, скрытая в литературном опусе. Условия цензуры определяли приемы подачи авторских оценок. Очевидно, что Ткачев был противником и крепостного права, и тех форм его отмены, которые были реализованы. Соответственно требовалось продолжить борьбу.

Еще одним «университетом» стали практически регулярные тюремные заключения. С 17 лет он чуть ли не ежегодно оказывался за решеткой: октябрь 1861 — декабрь 1861, ноябрь 1862 — февраль 1863, ноябрь 1864 — февраль 1865, апрель 1866 — июнь 1866, март 1869 — январь 1873. Всего было пять тюремных заключений и ссылка в феврале 1873 г., из которой Ткачев бежал в декабре того же года. В общей сложности в камере и ссылке он провел около семи лет, будучи к концу последнего срока в возрасте всего 29 лет. Такой послушной список вкупе с активной публицистической деятельностью с явным оттенком оппозиционности несомненно содействовал укреплению его авторитета в революционной среде.

Ткачев был причастен через знакомства или даже прямо участвовал во всех радикальных организациях 1860-х годов, и в первую очередь — в каракозовском (или ишутинском) обществе [24, с. 14—16]. Очевидно, что попытка организации революционных сил, которую чуть позже предпринял С. Г. Нечаев, тоже не могла не привлечь Ткачева — сторонника централизованной, жестко структурированной подпольной организации. И в каракозовской истории, и в нечаевской он увидел переход к практической стадии борьбы.

В конце 1873 г. Ткачев совершил побег из ссылки и оказался в эмиграции. Если раньше в его подцензурных журнальных публикациях лишь проскальзывала мысль о том, что не надо рассчитывать на народную революцию, то сейчас он излагает свою программу

системно, последовательно, не обращая внимание на авторитеты, будь то Фридрих Энгельс, или Петр Лаврович Лавров, или Михаил Александрович Бакунин. С двумя последними он встречался лично. Именно в полемике с ними Ткачев и изложил свою программу, которая была выстрадана и продумана им еще в российский период жизни. Изложена она была в течение ближайших трех лет.

В апреле 1874 г. Ткачев после недолгого сотрудничества с П. Л. Лавровым публично обратился к нему в статье «Задачи революционной пропаганды в России» (письмо к редактору журнала «Вперед»), в которой он изложил свои основные тезисы. Затем Ткачев проделал примерно то же самое, написав «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу, автору статей “Эмигрантская литература в 117 и 118 №№ Volksstaat’a, год 1874”».

В конце 1875 г. в дебютном номере «Набата» появилась статья «“Набат” (Программа журнала)». В следующем 1876 г. Ткачев развил основные программные положения в статьях «Революция и государство», «Анархическое государство». Чуть позднее, в конце 1876 — начале 1877 г., вышла статья «Накануне и на другой день революции». Некоторые уточнения делались в статье «Революция и принцип национальности» (1878).

В конце 1870-х гг. Ткачеву пришлось изложить свою позицию по проблеме террористической борьбы, поскольку в России наблюдался подъем именно этой разновидности революционной деятельности. Это были публикации в «Набате»: «Новый фазис революционного движения», «Что же теперь делать?» и «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» в № 3 «Набата» от 1881 г.

Серьезное изменение Ткачевым своих программных подходов требует внимательного рассмотрения. Некто Молчанов, входивший в редакцию «Набата» и начавший сотрудничество с III отделением, писал в донесении, что Ткачев «не заслуживает внимания Русского Правительства по своей неактивной натуре и по своей полной бесхарактерности». Турского Молчанов оценил выше: он «самый опасный член партии», он — хранитель всей информации и в его руках все контакты [4, л. 8, 9]. Обращает на себя внимание употребленное Молчановым определение «партия». Обычно исследователи оперируют понятием «группа “Набата”» или «редакция». Ткачев как руководитель не рассматривается никем, он только теоретик, и, видимо, роль Турского, финансировавшего издание, была в этом отношении бесспорной. И это тоже было одной из причин изменения позиции Ткачева по террору. Турский, не входя в нюансы, требовал постоянной террористической борьбы. Он был участником Парижской Коммуны и приветствовал казнь бланкистами парижского архиепископа. Он находил подтверждение своим позициям в истории Великой французской революции, по его мнению, «великие якобинцы-революционеры конца века вели за собой всю Францию путем заговора и предавали смерти всякого, кто был против народа» [25, с. 16]. Якобинцы были во главе революционного государства, то есть террор, по Турскому, это и метод управления, а не только средство борьбы в дореволюционный период. В размышлениях Ткачева о постреволюционном устройстве такого пункта нет, хотя диктатура им фактически признается.

И даже теоретическая деятельность Ткачева представлялась царским властям крайне опасной. Можно говорить о постоянном наблюдении за Ткачевым и его ближайшим окружением и родственниками. Эти факты зафиксированы в документах. Полиция выяснила, что «в журнале “Дело” под псевдонимом участвует эмигрант Ткачев» [7, л. 1]. Полицейскому обыску подвергались «багаж и ручные вещи» его матери, контролировались перемещения сестры и брата, вполне добропорядочного подданного [5, л. 1—4]. Когда полиции поступило предложение А. Эбенфельда из Женевы давать сведения о пересылке революционных изданий в Россию и иную информацию (в том числе и по «Набату»), то об этом было доложено самому императору, который написал, что «можно бы этим

воспользоваться». Эбенфельд похвастался, что располагает письмом Ткачева [8, л. 1, 8]. Без сомнения, деятельность Ткачева представлялась царским властям крайне опасной. Слежка за ним осуществлялась практически в течение всего его пребывания за границей, о чем он скорее всего знал.

И в российский период своей жизни, и в эмиграции вплоть до 1878 г. Ткачев так ясно не излагал свои подходы к проблеме террора, как в поздних публикациях, не считая ее, тем не менее, на тот момент главной и обязательной. Но давление коллег по редакции, особенно соредактора Каспара Турского, психологический надлом и выгорание, ослабление интеллекта ввиду прогрессирующей болезни головного мозга вынудили его признать ведущую роль террора. Вокруг этой проблемы шли ранее и до сих пор идут научные дискуссии [20, с. 214—222; 13, с. 29—30; 15, с. 31—33].

Следует иметь в виду, что Ткачев был необыкновенно последователен в своих построениях. Это отмечала еще его сестра: «Мы подсмеивались над его прямолинейностью и нарочно доводили до абсурда его положения. Это нисколько его не смущало: он никогда не останавливался перед абсурдом, если это было логическим последствием данного положения, а к нашим насмешкам относился с непоколебимым добродушием» [1, с. 61—64]. Думается, надо сделать несколько оговорок. Во-первых, речь идет о совсем юном Ткачеве, во-вторых, окружающие сами «нарочно доводили до абсурда» какие-то идеи, зная, что он предрасположен к крайностям. Александра Никитична писала, что еще труднее было ожидать от него тех свирепых политических теорий, которые он высказывал. Когда он вернулся из Кронштадтской крепости, он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет. Через некоторое время он отказался от этого человекоубийственного плана, но все-таки находил, что ради общего блага не только можно, но даже должно жертвовать отдельными личностями [1, с. 62].

Логика революционной борьбы вывела Ткачева на идею решающей роли революционного меньшинства. Остальные проблемы решались им исходя из того, способствуют ли они или противодействуют реализации главного революционного акта — захвата власти меньшинством для осуществления радикальных социальных преобразований. В таком случае проблема террора становилась вспомогательной, но не решающей, как нередко утверждалось и утверждается. Но если еще раз взглянуть на проблему террора в революционной борьбе в трактовке Ткачева, то следует признать, что в конце своей революционной карьеры он сильно изменил свой подход. И это был кризис его общеизвестной формулы, в которой заговор с целью захвата власти был решающим моментом, призванным одновременно пробудить народ к разрушительным действиям; о терроре речь практически не шла. Однако на рубеже 1870—1880-х гг. Ткачев в силу названных выше причин заявляет о решающей роли террористической борьбы, о чем раньше не говорил. И вскоре о нем начали писать как о представителе заговорщически-террористической тенденции, «старом теоретике убийств» [46, с. 142], снижая тем самым его заслуги в разработке революционной теории и сужая спектр разработанных им проблем.

Разбирая вопрос о движущих силах революции, Ткачев неизбежно должен был подробно остановиться на роли народных масс и уже не полунамеком, как ранее, а принципиально. Это необходимо было проделать и потому, что он сознавал недостаточность сил революционного меньшинства, с чем отчасти было связано его признание террористической борьбы. Ткачев заявлял, что народ постоянно готов к революции, он революционер в силу условий своей жизни, он, как писал теоретик, «исконный враг помещиков и властей», «он всегда может, он всегда хочет сделать революцию» [33, с. 20, 24; 36, с. 166], поэтому действовать в духе Лаврова и долго готовить народные массы к сознательным действиям не имеет смысла. Единственное, что следует сделать, это освободить народ от

состояния оцепенения и страха перед властью, чтобы дать «возможность этой ненависти свободно проявиться наружу, и он одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей данного status quo, он возвратит себе отнятую у него землю, он разрушит все, что до сих пор давило и гнело его мир, его общину, он жестоко отомстит своим врагам. Но дальше он не пойдет». То есть, по Ткачеву, народ — разрушитель, но не сознательный созидатель, «народ — необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет дело этой революции в свои руки» [36, с. 166, 167, 169].

Ткачеву требовалось точно определиться с потенциалом этого самого революционного меньшинства, иначе вся его формула революции повисала в воздухе. В другом письме к Лаврову в 1874 г. он задается вопросом: «Реальна ли ее сила?» (революционной партии. — *В. И.*), «если реальна, то достаточна ли она для произведения революционного взрыва?», «если достаточна, то с помощью каких средств взрыв может быть произведен?» [9, л. 3, 5].

Окончательного ответа у него явно нет, и, подбирая формулировки, Ткачев «революционную молодежь» заменяет на «более или менее интеллигентное, революционно настроенное меньшинство», затем пишет о «ядре того меньшинства, которое вынесет революцию на своих мощных плечах» [9, л. 3, 5; 42, с. 143], и остановится в итоге на понятии «революционное меньшинство». Более поздний документ, «Инструкции членам Общества Народного Освобождения», причастность Ткачева к написанию которого несомненна, заявлял о необходимости для тайного общества иметь опору прежде всего в интеллигенции, а также в военной среде и даже среди политзаключенных. С этими идеями Ткачев приехал в эмиграцию.

Один из самых глубоких его исследователей Б. П. Козьмин указывал на факт его далеко не поверхностного знакомства с классическим бланкизмом и бланкистами в период эмиграции [15, с. 31—32]. С учетом знания французского языка, капитальной теоретической подготовки и собственного видения формулы заговора, Ткачеву было о чем поговорить с французскими единомышленниками. Состоялось ли его знакомство с самим патриархом заговорщичества неизвестно, но на его похоронах Ткачев пытался произнести речь, в которой он назвал Бланки «нашим вдохновителем и нашим вождем в великом искусстве заговора» [15, с. 31].

Заключение

Революционная доктрина Ткачева во многом нарабатывалась под воздействием обстоятельств личной жизни: семьи, постоянного чтения с широким охватом тем и авторов, гимназической и студенческой среды, контактов в литературных кругах, тюремных заключений, неформального знакомства с революционным подпольем и участия в нем. Ткачеву удалось охватить весь спектр основных проблем, связанных с революционной теорией и практикой, и дать свои оригинальные ответы, в которых отразилась и его личная судьба, и грандиозные тектонические процессы, протекавшие в России с конца 1850-х — начала 1860-х годов. Его мысль шла от преклонения перед народным восстанием, что отразилось в его юношеских стихах, к формуле революции, по которой инициатива принадлежит революционному меньшинству, представителей которого он видел вокруг себя. Так Ткачев отреагировал на снижение уровня крестьянских протестов в России.

Смысл того, что он предложил революционному движению, имело долговременное значение. Известно, что В. И. Ленин рекомендовал всем желающим присоединиться к большевикам для начала познакомиться с работами Ткачева в партийной библиотеке в Женеве, о чем писал В. Бонч-Бруевич [2].

Наследие Ткачева помогает понять непростую разницу между западным революционным движением и российским, а также проекцию его планов постреволюционного устройства на историю России после 1917 г., в которых предполагался достаточно длительный переходный период, в течение которого вчерашнее революционное меньшинство, демонтировав старые устои, будет формировать новый социалистический порядок. Народ через просвещение и образование постепенно будет вовлекаться в созидание нового общества и в конце концов встанет у власти, а ветераны уйдут на покой.

Революционная концепция Ткачева, построенная на российских реалиях (жесткая централизация власти, насилие как средство борьбы, управления и созидания, репрессивный аппарат, фактическое бесправие народа), не могла исчезнуть вместе с уходом ее автора. Ближайшие исторические события вновь поставили на повестку дня проблемы, осмысливаемые ранее представителями разных революционных направлений с резко противоположными рецептами действий. В начале XX в. вокруг российской социал-демократии разгорелись ожесточенные дискуссии. В. И. Ленина упрекали в бланкистском характере партии большевиков и в диктаторских устремлениях. Одной из первых это сделала Роза Люксембург: «Отличия социал-демократии от бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое понимание взаимоотношений между организацией и борьбой» [17, с. 10]. Это же делал молодой Троцкий, усматривая опасности в будущем: «Наиболее резко Троцкий критиковал организационные планы Ленина в своей брошюре “Наши политические разногласия”, которая вышла через год после съезда, в августе 1904 года. Желая показать, к чему может привести чрезмерное увлечение централизмом, Троцкий нарисовал такую картину: “Партийная организация (то есть аппарат партии. — Панцов А. В.) замещает собою Партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, “диктатор” замещает собою ЦК... “народ безмолвствует”... организация профессиональных революционеров, точнее ее верхушка является центром социал-демократического сознания, а под этим центром — дисциплинированные исполнители технических функций» [21, с. 69].

Полагаем, что настоящая статья способствует в некоторой степени выяснению истины и в отношении истории большевизма на этапе борьбы за власть и в постреволюционный период, когда требовалось решать насущные вопросы, которые ранее присутствовали лишь в программных документах. Реальная практика построения социализма в СССР должна учитываться при анализе дореволюционных теоретических постулатов не только РСДРП, но и их предшественников, в первую очередь Ткачева и близких ему по духу революционеров, Заичневского, Нечаева, народовольцев. И то, как Ткачев пришел к своей программе, оказывается чрезвычайно важным.

Значимость идейных наработок Ткачева сохраняется по сей день. Изучение его теоретического наследия помогает понять многочисленные попытки революционного обновления, предпринимаемые в странах третьего мира, когда ставка делается на революционное меньшинство, представленное чаще всего городской интеллигенцией и особенно армией. Кубинская революция, совершенная Фиделем Кастро с единомышленниками, очень многими своими аспектами напоминает прогнозирование будущего российскими левыми деятелями. И Ткачев в этом ряду стоит на первом месте. Есть и иные примеры, требующие новых исследований. Такие работы появляются, и в них рассматриваются различные аспекты современных трактовок революционного процесса [14; 18; 29].

Список источников

1. Анненская А. Н. Из прошлых лет // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53—81.
2. Бонч-Бруевич В. Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. 1932. № 3 (48). С. 106—134.
3. Герцен А. И. Былое и думы // Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 10. С. 151—201.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 1. Д. 454.
5. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 483.
6. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 573.
7. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 650.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 687.
9. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 1034.
10. Жильцов С. В., Попрядухина И. В. Террор в народническом движении России против самодержавной власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 6 (133). С. 61—64.
11. Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Ф. Ф. Энгельс: марксистское пророчество о России // Новые идеи в философии. 2020. № 7 (28). С. 192—198.
12. Зверев В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31—34. DOI: 10.31857/S086956870009250-6.
13. Исаков В. А. Петр Никитич Ткачев // Ткачев П. Н. Избранное / сост., авт. вступит. ст. и коммент. В. А. Исаков. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5—36.
14. Коан Н. Политическая концепция революции у Че Гевары и в геваризме. К дискуссии о социализме XXI века. URL: https://scepsis.net/library/id_3797.html (дата обращения: 23.11.2024).
15. Козьмин Б. П. Вступительная статья // Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 6 т. / ред. вступ. ст. и примеч. Б. П. Козьмина. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Т. 1. С. 9—58.
16. Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М. : Новый мир, 1922. 208 с.
17. Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии. Минск : [Б. и.], 1932. 31 с.
18. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. Ст. 3. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/887/884>. DOI: 10.18384/2224-0209-2014-2-887.
19. Матюхин А. В. Протобольшевизм Петра Ткачева // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 174—184. DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51524.
20. Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 211—227.
21. Панцов А. В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65—82.
22. Пирумова Н. М. Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М. : Мысль, 1989. 256 с.
23. Правительственный Вестник. 1871. № 164.
24. Пустарнаков В. Ф., Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев — революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П. Н. Сочинения : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 5—92.
25. Революционная расправа / [К.-М. Турский]. [Женева] : О-во «Нар. освобождения», 1878. 16 с.
26. Рудакова Ю. В. П. Н. Ткачев о движущих силах революции // Политика и Общество. 2017. № 6. С. 120—125. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23096. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.6.23096.
27. Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М. : Наука, 1992. 266 с.
28. Седов М. Г. Героический период революционного народничества (из истории политической борьбы). М. : Мысль, 1966. 365 с.
29. Семенова Т. Н. О формах перехода государственной власти в современном глобализирующемся мире // Философия и общество. 2014. № 2 (74). С. 78—91.
30. Сергеевкова В. В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адкрэд.) [і інш.]. Минск : БДУ, 2009. Вып. 4. С. 309—316.
31. Ткачев П. Н. Движение вперед! // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 558—560.
32. Ткачев П. Н. Дорожные грезы // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 561—564.
33. Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 7—42.

34. Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 6 т. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932—1937.
35. Ткачев П. Н. Накануне и на другой день революции // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 212—235.
36. Ткачев П. Н. Народ и революция // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 163—170.
37. Ткачев П. Н. Народное гулянье // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 567—568.
38. Ткачев П. Н. Недодуманные думы // Избранные сочинения на социально-политические темы : в 6 т. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 2. С. 224—257.
39. Ткачев П. Н. Недоконченные люди // Избранные сочинения на социально-политические темы : в 6 т. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 2. С. 258—319.
40. Ткачев П. Н. 14 декабря 1861 г. Памяти Михайлова // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 560—561.
41. Ткачев П. Н. 2 марта 1862 г. Памяти Павлова // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 564—566.
42. Ткачев П. Н. Революция и государство // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 141—153.
43. Ткачев П. Н. Рецензии на книги Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI века» и «Прудон и Луи Блан» // Избранные сочинения на общественно-политические темы : в 6 т. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. Т. 1. С. 69—78.
44. Ткачев П. Н. Сочинения : в 2 т. / АН СССР, Ин-т философии. М. : Мысль, 1975—1976. Т. 1. 655 с.; Т. 2. 645 с. (Философское наследие).
45. Ткачев П. Н. Христово воскресенье // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 566—567.
46. Тун А. История революционного движения в России. [Б. м.] : Тип. Партии социалистов-революционеров, 1903. 348 с.
47. Худолеев А. Н. Историографические аспекты изучения личности и революционной теории П. Н. Ткачева в отечественной исторической науке // Наука и современность. 2013. № 20. С. 29—37.
48. Худолеев А. Н. П. Н. Ткачев: Опыт исторической биографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 5, ч. 3. С. 177—183.
49. Худолеев А. Н. Революционная теория П. Н. Ткачева в дискурсе отечественной историографии 2020 и 2021 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 170—175. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.031.
50. Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М. : Мысль, 1981. 286 с.
51. Шелгунов Н. В., Михайлов М. Л. К молодому поколению // Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М. : Соцэкгиз, 1958. С. 83—98.

References

1. Annenskaya A. N. Iz proshlykh let [From past years]. *Russkoe bogatstvo*, 1913, no. 1, pp. 53—81. (In Russian)
2. Bonch-Bruevich V. D. Biblioteka i arkhiv RSDRP v Zheneve [Library and archive of the RSDLP in Geneva]. *Krasnaya letopis'*, 1932, no. 3 (48), pp. 106—134. (In Russian)
3. Gertsen A. I. Byloe i dumy [Past and thoughts]. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works. In 30 volumes]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 151—201. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. 109. Op. 1. D. 454.
5. GARF. F. 109. Op. 1. D. 483.
6. GARF. F. 109. Op. 1. D. 573.
7. GARF. F. 109. Op. 1. D. 650.
8. GARF. F. 109. Op. 3. D. 687.
9. GARF. F. 5802. Op. 2. D. 1034.
10. Zhil'tsov S. V., Popryadukhina I. V. Terror v narodnicheskom dvizhenii Rossii protiv samodержавnoi vlasti [Terror in the populist movement of Russia against the autocratic power]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2021, no. 6 (133), pp. 61—64. (In Russian)
11. Zhukotskii V. D., Zhukotskaya Z. F. F. Engel's: marksistskoe prorochestvo o Rossii [F. Engels: a Marxist prediction about Russia]. *Novye idei v filosofii — New Ideas in Philosophy*, 2020, no. 7 (28), pp. 192—198. (In Russian)
12. Zverev V. V. Lenin: sotsializm, narodniki i mirovaya revolyutsiya [Lenin: socialism, the narodniks and the world revolution]. *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 31—34. DOI: 10.31857/S086956870009250-6. (In Russian)

13. Isakov V. A. Petr Nikitich Tkachev [Pyotr Nikitich Tkachev]. Tkachev P. N. *Izbrannoe. Sost., avt. vstupit. st. i komment. V. A. Isakov*. Tkachev P. N. [Selected works. Comp., introd. art. and comment. by V. A. Isakov]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 5—36. (In Russian)
14. Koan N. *Politicheskaya kontsepsiya revolyutsii u Che Gevary i v gevarizme. K diskussii o sotsializme XXI veka* [Political concept of revolution in Che Guevara and in Guevarism. Towards a discussion of socialism in the 21st century]. Available at: https://scepsis.net/library/id_3797.html. Accessed 23.11.2024. (In Russian)
15. Koz'min B. P. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. Tkachev P. N. *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 6 t.* [Selected works on socio-political topics. In 6 volumes]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1932, vol. 1, pp. 9—58. (In Russian)
16. Koz'min B. P. P. N. Tkachev i revolyutsionnoe dvizhenie 1860-kh godov [P. N. Tkachev and the revolutionary movement of the 1860s]. Moscow, Novyi mir Publ., 1922. 208 p. (In Russian)
17. Lyuksemburg R. *Organizatsionnye voprosy russkoi sotsial-demokratii* [Organizational issues of Russian social democracy]. Minsk, 1932. 31 p. (In Russian)
18. Manoilo A. V. Tsvetnye revolyutsii i problemy demontazha politicheskikh rezhimov v menyayushchemsya mire [Color revolutions and problems of dismantling of political regimes in a changing world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta — Russian Social and Humanitarian Journal*, 2014, no. 2, art. 3. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/887/884>. DOI: 10.18384/2224-0209-2014-2-887. (In Russian)
19. Matyukhin A. V. Protobol'shevizm Petra Tkacheva [Proto-Bolshevism of Peter Tkachev]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya — Social and Humanitarian Knowledge*, 2021, no. 1, pp. 174—184. DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51524. (In Russian)
20. Nikolaevskii B. Pamyati poslednego “yakobintsa”-semidesyatnika [In memory of the last “Jacobin” of the Seventies]. *Katorga i ssylka*, 1926, no. 2 (23), pp. 211—227. (In Russian)
21. Pantsov A. V. Lev Davidovich Trotskii [Lev Davydovich Trotsky]. *Voprosy istorii*, 1990, no. 5, pp. 65—82. (In Russian)
22. Pirumova N. M. *Aleksandr Gertsen. Revolyutsioner, myslitel', chelovek* [Alexander Herzen. Revolutionist, Thinker, Man]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 256 p. (In Russian)
23. *Pravitel'stvennyi Vestnik* [Government Herald], 1871, no. 164. (In Russian)
24. Pustarnakov V. F., Shakhmatov B. M. P. N. Tkachev — revolyutsioner, publitsist, myslitel' [P. N. Tkachev — revolutionist, publicist, thinker]. Tkachev P. N. *Sochineniya: v 2 t.* [Tkachev P. N. Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 5—92. (In Russian)
25. [Tursky K.-M.] *Revolutsionnaya rasprava* [Revolutionary reprisal]. Zheneva, O-vo “Nar. osvobozhdeniya” Publ., 1878. 16 p. (In Russian)
26. Rudakova Yu. V. P. N. Tkachev o dvizhushchikh silakh revolyutsii [P. N. Tkachev on the driving forces of the revolution]. *Politika i Obshchestvo*, 2017, no. 6, pp. 120—125. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23096. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.6.23096. (In Russian)
27. Rudnitskaya E. L. *Russkii blankizm: Petr Tkachev* [Russian Blanquism: Pyotr Tkachev]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 266 p. (In Russian)
28. Sedov M. G. *Geroicheskii period revolyutsionnogo narodnichestva (iz istorii politicheskoi bor'by)* [The Heroic Period of Revolutionary Populism (from the History of Political Struggle)]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 365 p. (In Russian)
29. Semenova T. N. O formakh perekhoda gosudarstvennoi vlasti v sovremennom globaliziruyushchemsya mire [On the forms of transition of state power in the modern globalizing world]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2014, no. 2 (74), pp. 78—91. (In Russian)
30. Sergeenkova V. V. Problema terrorizma v teorii i praktike rossiiskogo revolyutsionnogo dvizheniya [The problem of terrorism in theory and practice of the Russian revolutionary movement]. *Pratsy gistorychnago fakul'teta BDU: navuk. zb.* [Works of the Faculty of History of the BSU. Science collection]. Minsk, BDU Publ., 2009, is. 4, pp. 309—316. (In Russian)
31. Tkachev P. N. Dvizhenie vpered! [Moving forward!]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 558—560. (In Russian)
32. Tkachev P. N. Dorozhnye grezy [Road dreams]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 561—564. (In Russian)
33. Tkachev P. N. Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii [Tasks of revolutionary propaganda in Russia]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 7—42. (In Russian)
34. Tkachev P. N. *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 6 t.* [Selected works on socio-political topics. In 6 volumes]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1932—1937. (In Russian)

35. Tkachev P. N. Nakanune i na drugoi den' revolyutsii [On the eve and the day after the revolution]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 212—235. (In Russian)
36. Tkachev P. N. Narod i revolyutsiya [People and revolution]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 163—170. (In Russian)
37. Tkachev P. N. Narodnoe gulyan'e [People's festivities]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 567—568. (In Russian)
38. Tkachev P. N. Nedodumannye dumy [Unfinished Thoughts]. *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 6 t.* [Selected Works on Social and Political Themes. In 6 volumes]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1932, vol. 2, pp. 224—257. (In Russian)
39. Tkachev P. N. Nedokonchennyye lyudi [Unfinished People]. *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 6 t.* [Selected Works on Social and Political Themes. In 6 volumes]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1932, vol. 2, pp. 258—319. (In Russian)
40. Tkachev P. N. 14 dekabrya 1861 g. Pamyati Mikhailova [December 14, 1861. In Memory of Mikhailov]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 560—561. (In Russian)
41. Tkachev P. N. 2 marta 1862 g. Pamyati Pavlova [March 2, 1862. In Memory of Pavlov]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 564—566. (In Russian)
42. Tkachev P. N. Revolyutsiya i gosudarstvo [Revolution and the State]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 141—153. (In Russian)
43. Tkachev P. N. Retsenzii na knigi Yu. Zhukovskogo "Politicheskie i obshchestvennye teorii XVI veka" i "Prudon i Lui Blan" [Reviews of the books by Yu. Zhukovsky "Political and Social Theories of the 16th Century" and "Proudhon and Louis Blanc"]. *Izbrannye sochineniya na obshchestvenno-politicheskie temy: v 6 t.* [Selected Works on Social and Political Themes. In 6 volumes]. Moscow, Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1932, vol. 1, pp. 69—78. (In Russian)
44. Tkachev P. N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975—1976, vol. 1, 655 p.; vol. 2, 645 p. (In Russian)
45. Tkachev P. N. Khristovo voskresen'e [Christ's Resurrection]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 566—567. (In Russian)
46. Tun A. *Istoriya revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [History of the revolutionary movement in Russia]. [S. l.], Tip. Partii sotsialistov-revolutsionerov Publ., 1903. 348 p. (In Russian)
47. Khudoleev A. N. Istoriograficheskie aspekty izucheniya lichnosti i revolyutsionnoi teorii P. N. Tkacheva v otechestvennoi istoricheskoi nauke [Historiographic aspects of the study of the personality and revolutionary theory of P. N. Tkachev in Russian historical science]. *Nauka i sovremennost'*, 2013, no. 20, pp. 29—37. (In Russian)
48. Khudoleev A. N. P. N. Tkachev: Opyt istoricheskoi biografii [P. N. Tkachev: An experience of historical biography]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 5, part 3, pp. 177—183. (In Russian)
49. Khudoleev A. N. Revolyutsionnaya teoriya P. N. Tkacheva v diskurse otechestvennoi istoriografii 2020 i 2021 gg. [The revolutionary theory of P. N. Tkachev in discourse of Russian historiography 2020 and 2021]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2022, no. 3 (78), pp. 170—175. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.031. (In Russian)
50. Shakhmatov B. M. P. N. Tkachev. *Etyudy k tvorcheskomu portretu* [P. N. Tkachev. Sketches for a creative portrait]. Moscow, Mysl' Publ., 1981. 286 p. (In Russian)
51. Shelgunov N. V., Mikhailov M. L. K molodomu pokoleniyu [To the young generation]. *Narodnicheskaya ekonomicheskaya literatura: Izbr. proizvedeniya* [Populist economic literature. Selected Works]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958, pp. 83—98. (In Russian)

Информация об авторе

В. А. Исаков — доктор исторических наук, профессор

Information about the author

V. A. Isakov — Doctor of Historical Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 11.12.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 11.12.2024;
accepted for publication 20.02.2025